

УДК 903(282.247.133)"04/14"

doi 10.17072/2219-3111-2021-1-70-80

Ссылка для цитирования: *Савельева Э. А.* Историко–культурные связи населения бассейна р. Вычегды и Верхнего Прикамья в эпоху Средневековья (по материалам вымской и родановской археологических культур) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 70–80.

ИСТОРИКО–КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА Р. ВЫЧЕГДЫ И ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫМСКОЙ И РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР)¹

Э. А. Савельева

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 167000, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
eleonorasav@yandex.ru

Новейшие материалы раскопок средневековых памятников в бассейне Вычегды и Верхнем Прикамье подтверждают обоснованную А.П. Смирновым, В.А. Обориным, А.Ф. Мельничуком, Р.Д. Голдиной и другими исследователями этнокультурную близость родановской и вымской археологических культур, связываемых с родственными народами – предками коми-пермяков и коми-зырян. Она прослеживается в наиболее консервативных, традиционных элементах культуры – в погребальной обрядности, керамике, женских украшениях костюма. Для обеих культур характерны грунтовые могильники, в которых погребения совершены способом ингумации и кремации. Керамика представлена лепными сосудами чашевидной и горшковидной форм, орнаментированными гребенчатым, розеточным штампом, отпечатками шнура. Общими украшениями женского костюма являются умбовидные, арочные, якорьковые и биярьковые шумящие подвески, разнообразные трубчатые пронизки. Наибольшую близость к родановским обнаруживают памятники смежных с Верхнекамьем районов – сысольские, средневычегодские, датируемые X–XI, XI–XII вв. На Сыsole исследованы три могильника, отличающиеся от вымских, средне- и нижневычегодских. К наиболее ранним относится Вотчинский на средней Сыsole, датируемый X–XI вв. По погребальному обряду, вещевому инвентарю он обнаруживает наибольшую культурную близость к памятникам Прикамья, что объясняется, наиболее вероятно, переселением небольшой группы прикамского населения в бассейн Сыsole. Отмечается большое своеобразие Ужгинского I и II могильников на верхней Сыsole. Для погребального обряда Ужгинских могильников характерны расчлененные погребения, захоронения отдельных черепов, традиция намеренного разрушения могил в ритуальных целях. Эти особенности погребального обряда имеют аналоги на верхнекамских могильниках, в частности, на Аверинском I в Афанасьевском районе Кировской области а также на Плотницком, расположенном в Кудымкарском районе Пермского края. Наиболее вероятно, что население, оставившее ужгинские могильники, входило в то же территориально–племенное объединение, что и северные верхнекамские, связываемые с зюдинскими коми–пермяками, что подтверждается данными этнографии и лингвистики. Инфильтрация родановского населения в бассейн Вычегды в XI–XII вв. документируется материалами раскопок нижневычегодского Чезъягского и вымского Кичилькосьского I могильников. Они относятся к вымской культуре перми вычегодской, ранние комплексы которых, датируемые XI–XII вв., могут быть связаны с родановскими пришельцами. В погребении 37 Чезъягского могильника представлен характерный женский родановский костюм. На Кичилькосьском I могильнике найдены многочисленные высокохудожественные болгарские серебряные изделия из Прикамья, а также типично родановские украшения, близкие по форме и орнаментации лепные сосуды, погребения, обнаруживающие наибольшую близость к раннеродановским. Эти материалы свидетельствуют не только об активных торговых, культурных связях населения вымской и родановской культур, но и о инфильтрации верхнекамских родановских групп населения в бассейн Вычегды в XI–XII вв.

Ключевые слова: археологическая культура, вымская и родановская археологические культуры, историко-культурные связи, этнокультурная общность, локальные варианты.

Памяти В.А. Оборина и А.Ф. Мельничука посвящается

Вымская и родановская культуры связываются с предками коми-зырян и коми-пермяков, известных в письменных источниках под именем пермь. Пермская земля по «Житию Стефана Пермского» включает долины рек Выми, Вычегды, Вятки и Камы. «Одна тамошняя река называется Вымь; огибая всю землю Пермскую, она впадает в Вычегду. Другая река по имени Вычегда; вытекая из земли Пермской, она течет в северном направлении и своим устьем входит в Двину ниже города Устюга на четырнадцать поприщ. Третья река, называемая Вятка, течет к другому краю Перми и впадает в Каму; Четвертая река по имени Кама; эта река протекает по всей земле Пермской, сквозь нее; и по ней многие народы живут; она направляется своим течением прямо на юг и своим устьем входит в Волгу поблизости от города, называемого Болгар. Непонятно, как из одной страны вытекают две реки, Вычегда и Кама, и воды одной текут к северу, а другой к югу» [Житие Стефана..., 1995, с. 65, 67]. Среди народов, живущих рядом с Пермью, называются вычегжане, сырьяне, пермь великая, именуемая чудовая [Там же, с. 65]. Название «Пермь вычегодская» впервые появляется в Жалованной грамоте 1485 г., в которой перечисляются пермяне, вычегжане, вымичи, удорены, сысолене, крещенные сиряне ужговские [Жалованная грамота..., 1958, с. 243], соответствующие территориально-племенным объединениям предков коми-зырян.

Родановская культура была выделена М.В. Галицким, который отметил ее близость к вычегодским памятникам. К особенностям вычегодских могильников он отнес погребения в срубках [Галицкий, 1941, с. 47–54; 1951, с. 68]. А.П. Смирнов обосновал выделение в Приуралье трех культурных областей в эпоху Средневековья – на Вятке и Чепце, на Вычегде, на средней и верхней Каме [Смирнов, 1952, с. 215, 216]. К числу особенностей вымско-вычегодских памятников он отнес трупосожжение и погребение в срубках [Смирнов, 1952, с. 208].

Самый крупный вклад в исследование родановской культуры внес В.А. Оборин. Им были обоснованы местные истоки родановской культуры, генетическая преемственность ломоватовской и родановской культур [Оборин, 1969, с. 165, 166; 1970, с. 3–29; 1999, с. 199–295].

В связи с малой археологической изученностью Европейского Северо-Востока в 50-е–60-е гг. прошлого столетия в научной литературе господствовала миграционная концепция происхождения коми-зырян, основанная прежде всего на данных лингвистики. Согласно ей коми-зыряне являются выходцами из Прикамья [Лыткин, 1957, с. 25]. Эту концепцию поддерживал и В.А. Оборин [Бадер, Оборин, 1958, с. 161–163].

Начавшиеся с 60-х гг. XX в. планомерные исследования средневековых памятников на Европейском Северо-Востоке позволили подтвердить своеобразие вымско-вычегодских памятников, выделить вымскую культуру предков коми-зырян, принадлежность которой к перми вычегодской подтверждалась «Житием Стефана Пермского» [Савельева, 1971, с. 10].

На первом этапе исследований был сделан упор на особенности вымской и родановской культур, отрицалась массовая миграция ломоватовских и родановских племен в Вычегодский бассейн [Там же, с. 163–168]. В.А.Оборин, в целом согласившись с концепцией генезиса вымской культуры, отметил, что хотя выявленные существенные различия вымской и родановской культур достаточно убедительно аргументированны, значение их явно преувеличено, как и роль неясных западного и юго-западного компонентов [Оборин, 1969, с. 165]. Проведенные в 70-е–80-е гг. широкомасштабные раскопки вымско-вычегодских памятников, прежде всего вымских могильников, насчитывающих сотни погребений, позволили уделить значительно большее внимание вопросу о родстве вымской и родановской культур [Савельева, 1987]. Отмечая, с одной стороны, генетическую преемственность ванвиздинской и вымской культур, с другой – близость традиционных форм вымских сосудов к родановским, восходящую к ананьинской основе, мы подчеркивали наибольшую близость вымской и родановской культур по керамике, а также по украшениям костюма [Там же, с. 83–84, 176–177].

Проблема генезиса этих культур и в настоящее время остается предметом активных дискуссий, что нашло отражение в многочисленных публикациях (подробную историографию проблемы см. [Голдина, 2013, с. 116–119]). Необходимость возвращения к ней вызвана возро-

дившейся в работах А.М.Белавина и его коллег гипотезе о формировании родановской культуры в процессе переселения населения из Вычегодского бассейна в XI–XII вв. В настоящее время А.М.Белавин и Н.Б.Крыласова связывают и ломоватовскую, и родановскую культуру со смешанным угорско-пермским населением [Белавин, Крыласова, 2013, с. 99 – 105]. Датируя ломоватовскую культуру V – серединой XI в., они считают, что в X – середине XI в. в ней доминировали угры, хотя «в материальной культуре отчетливо выделяется и финский компонент», который проявляется в гребенчатой орнаментации части сосудов (5% керамического комплекса Рождественского могильника, 28, 3% – Огурдинского), соотносимых с керамикой вымской культуры [Белавин, Крыласова, 2013, с. 99–101]. Большой процент гребенчатой керамики на Огурдинском могильнике исследователи объясняют его расположением значительно севернее Рождественского и более активными контактами населения, оставившего Огурдинский могильник, с носителями вымской культуры. Допускается и другое предположение: керамика, близкая к вымской, принадлежит местному финскому населению, родственному вычегодским пермякам [Там же, с. 102].

В этой связи несомненный научный интерес представляют материалы Кичилькосьского I могильника XI–XIII вв. на Выми, Чежтыягского на нижней Вычегде, а также средневычегодских и сысольских, территориально наиболее близко расположенных к Прикамью. Кичилькосьский I могильник находится в верховьях р. Вымь, правого притока Вычегды, у первого вымского порога Кытщиль-кось (в переводе с коми – Кривой порог) Княжпогостского района Республики Коми. Он насчитывает 218 погребений, датируемых второй половиной XI–XIII в. Могильник отличается от других вымско–вычегодских значительным богатством вещевого инвентаря [Савельева, 2019]. На нем обнаружено 76 западноевропейских денариев X–XI вв. и саманидский дирхем [Савельева, 2016, с. 59–74]. Не вызывает сомнений факт, что западноевропейские монеты попали на Вымь из Новгорода Великого. Кроме монет обнаружены многочисленные древнерусские изделия городского ремесла, а также украшения финно-угорского населения, находящегося в орбите политического и экономического влияния Северо-Западной Руси.

Наряду с древнерусскими на могильнике представлены высокохудожественные изделия из серебра, изготовленные в технике скани и зерни болгарскими мастерами [Там же, рис. 3–7]. Наиболее вероятно, что они попали к вычегодским пермякам с родановцами. Свидетельством этому служит вещевой инвентарь погребений, в котором представлены типично родановские украшения, в частности, умбоновидные, арочные, якорьковые шумящие подвески, трубчатые пронизки со вздутиями гладкими, прорезными и др., а также близкие по форме, орнаментации керамические сосуды, в том числе с раковиной в глиняном тесте, единично – орнаментированные оттисками шнура, не характерные для вымской культуры. Эти погребения обнаруживают наибольшую близость к раннеродановским по разработанной Р.Д.Голдиной и Т.Ю.Ютиной хронологии на примере Агафоновского II могильника [Голдина, Ютина, 2012, с. 447–472]. Вещевой инвентарь погребений XI в. на Кичилькосьском I могильнике имеет аналоги в третьей группе погребений Агафоновского II могильника, в четвертой группе погребений XII в. [Там же, рис. 6, 7]. Эта близость проявляется также в материалах Огурдинского и языческого Рождественского могильников, содержащих аналогичные предметы поясной гарнитуры, железные ножи с деревянными рукоятками, обмотанными рядами спиральновитой проволоки, остатки деревянных чаш, окантованных серебряными монетами, а также, что особенно важно, близкие по форме и орнаментации глиняные сосуды [Белавин, Крыласова, 2008, 2012; Крыласова, 2013, с. 99–105]. Однако эти сосуды, как и все предметы, включая украшения, поясную гарнитуру, предметы быта, на Кичилькосьском I могильнике найдены в погребениях, датируемых не ранее второй половины XI в., тогда как Огурдинский могильник датирован рубежом X и XI вв. – серединой, второй половиной XI в. [Белавин, Крыласова, 2012, с. 218], концом X – первой половиной XI в. [Крыласова, 2013, с. 99], языческая часть погребений Рождественского могильника – X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 508], X – началом XI в. [Крыласова, 2013, с. 99]. Если основываться на этих датах, то аналогичные предметы на Кичилькосьском I могильнике могли быть импортом из Прикамья, где они, в частности, предметы поясного набора, разнообразные шумящие подвески, являются изделиями серийного производства, тогда как на Кичилькосьском I могильнике такие предметы представлены единичными экземплярами. Кроме того, ке-

рамические сосуды вряд ли служили предметом обмена. Они могли быть изготовлены только родановскими женщинами, чьи погребения, вероятно, есть на Кичилькосьском I могильнике.

Учитывая весь комплекс перечисленных предметов, включая украшения, керамику, некоторые предметы быта, а также болгарские изделия, нельзя исключить предположение не только об активных торговых, брачных контактах родановцев и вымичей, но и, возможно, об инфильтрации родановских групп населения в бассейн Вычегды во второй половине XI в.

Не меньший интерес в этой связи представляет Чегтыгский могильник на нижней Вычегде. Он расположен на левом берегу р. Вычегды, напротив д. Вездино Усть-Вымского района Республики Коми. Раскопки его проводились археологической экспедицией Сыктывкарского университета под руководством Т.В. Истоминой с 1986 до 1999 г. (с перерывами). Вскрыто 152 погребения. Могильник датирован ею XI–XIV вв. Не вызывает сомнений его принадлежность к вымской культуре по топографии, погребальному обряду, вещам погребального инвентаря. К сожалению, материалы могильника пока полностью не введены в научный оборот. Опубликованы только материалы погребения 37, выделяющегося богатством погребального инвентаря. Оно датируется концом XI–XII в. и, таким образом, относится к начальному этапу формирования вымской культуры, как и ранние комплексы Кичилькосьского I могильника, на что обращает внимание Т.В. Истомина [Истомина, 1992, с. 127–136].

Погребение совершено способом ингумации, ориентировано на СЗ; дно могилы выстлано берестой в два слоя, на бересте – деревянный настил; погребенная похоронена в одежде из ткани и меха. Благодаря обряду погребения сохранился порядок расположения вещей в костюме и появилась возможность реконструкции женского костюма. Он включает серебряные височные кольца, серьги, подвески, выполненные в технике скани и зерни, разнообразные шумящие подвески (роговидные, арочные, зооморфные), спиралевидные, трубчатые, гладкие и прорезные пронизки, бусы (60 экз. бусин), среди которых преобладают хрустальные (29 экз.) и сердоликовые (18 экз.), шесть серебряных западноевропейских монет, бронзовый пластинчатый браслет, спиральновитой перстень, кожаный пояс с бронзовыми накладками, бронзовые кольчужные кольца, железный нож. По мнению Т.В. Истоминой, погребение принадлежит лицу, занимавшему высокое социальное положение в обществе.

Весь комплекс украшений погребения 37 имеет аналоги в раннеродановских комплексах Прикамья. С точки зрения Н.Б. Крыласовой, в погребении 37 представлен характерный женский костюм типа I – «на рождественском этапе», но трудно согласиться с ее предположением о том, что он был привезен «от соседней невесты» [Крыласова, 2007, с. 223]. Наиболее вероятно, что погребение принадлежит невесте из Прикамья, поселившейся на нижней Вычегде. Определить, является ли это погребение единственным родановским, до полной публикации материалов могильника не представляется возможным.

По мнению В.А. Оборина, наибольшая близость родановской и вымской культур прослеживается по материалам верхневычегодских памятников. Как он отмечает, через Верхнюю Вычегду могли поступать родановские и болгарские украшения, развиваться брачные связи родственных групп населения [Оборин, 1999, с. 288].

Средневычегодский вариант вымской культуры перми вычегодской выделен К.С. Королевым [Королев, 1979]. На Средней Вычегде открыто и исследовано шесть могильников, одно святилище и одно поселение перми вычегодской [Королев, 2013], один могильник (Озельский) исследован М.В. Кленовым [Кленов, 1999, с. 103–114]. Могильники небольших размеров, насчитывают 19–22 погребения. Могильники Шойнаты II, Шойнаты III, Пезмогский датируются XI–XII вв., Небдинский – концом XI – первой половиной XII в. [Королев, 2013, с. 6–15], Озельский – рубежом XII и XIII в. или первой половиной XIII в. [Кленов, 1999, с. 114].

По мнению К.С. Королева, своеобразие средневычегодского варианта культуры перми вычегодской проявляется в небольших размерах могильников, отсутствии погребений в срубах. Как полагает он, средневычегодский регион в XI–XIV вв. представлял собой малонаселенную периферию перми вычегодской, материалы которой обнаруживают близость к родановским [Королев, 1997, с. 186, 187].

Наиболее близко расположенным к Верхнему Прикамью является бассейн р. Сысолы, к сожалению, остающийся одним из наименее археологически изученных в бассейне Вычегды. В 90-е гг. прошлого столетия были исследованы три могильника на средней и верхней Сыsole,

отличающиеся от вымских, средне- и нижневычегодских. К наиболее ранним относится Вотчинский на средней Сыsole, у с. Вотча Сысольского района Республики Коми, датируемый X–XI вв. [Истомина, 1999, с. 76–102]. К сожалению, могильник разрушен в ходе земляных работ местного колхоза. Раскопаны два, возможно, три сохранившихся погребения, а также собран материал из разрушенных. Могильник грунтовый, погребения совершены способом ингумации, ориентированы головой к реке. По мнению Т.В. Истоминой, памятник оставлен небольшой группой населения. Т.В. Истомина вполне аргументированно исключает его из круга памятников вымской культуры. В погребальной обрядности отличие Вотчинского могильника от вымско–вычегодских проявляется в его топографии, отсутствии трупосожжений, выраженной роли огня, традиции преднамеренной поломки вещей, характерных для погребального обряда вымской культуры. Более существенные различия проявляются в вещевом инвентаре. Судя по сохранившимся материалам, Вотчинский могильник в отличие от средневычегодских, близость к которым отмечает Т.В. Истомина, содержит богатый инвентарь (более 240 предметов), включая предметы вооружения (16 экз.), орудия труда, среди которых шесть топоров, многочисленные украшения (108 экз.), предметы поясной гарнитуры (60 экз.), а также монеты (8 экз.), среди которых шесть восточных и две западноевропейских. К числу особенностей вещевого инвентаря исследователь относит костяные наборные расчески (9 экз.), а также браслеты (7 экз.), не характерные для памятников вымской культуры. Они могут быть обусловлены хронологическими рамками Вотчинского могильника (X–XI вв.), тогда как вымско–вычегодские датируются XI–XIV вв. Кроме того, он находится на значительном расстоянии от основного массива памятников вымской культуры. Т.В. Истомина отмечает, что наибольшую близость в Вычегодском бассейне Вотчинский могильник обнаруживает к Усть–Сысольскому, на котором в середине XIX в. вскрыты два погребения. Материалы Вотчинского могильника, по ее мнению, свидетельствуют о его культурной близости к памятникам Прикамья – родановским, чепецким и древнемарийским, что может объясняться или длительными отношениями с Прикамьем или переселением какой-то части камско-чепецкого населения в бассейн Сысолы [Истомина, 1997, с. 99, 100].

К другому типу сысольских памятников относятся Ужгинские I и II могильники на верхней Сыsole, частично исследованные Н.Н.Чесноковой [Чеснокова, 1994, с. 166–186]. Могильники грунтовые, находятся в окраинной части с. Ужга, в д. Погост Койгородского района Республики Коми, датированы XIII в. Местное население считает их оставленными своей чуждью. На Ужгинском I могильнике раскопано 15 погребений, на Ужгинском II было предположительно 35 (по овальным впадинам), раскопано 9. Особенности погребального обряда ужгинских могильников являются расчленение трупов с захоронением их останков скоплениями в придонной части ямы, погребение с отчлененными черепами, также расположенными не в анатомическом порядке в разных частях могильной ямы. Встречаются захоронения только в одной половине ямы. В одном случае не исключается наземное погребение, есть могилы с несколькими погребенными в одной яме. В некоторых погребениях предполагается сохранение остатков деревянных срубно–столбовых конструкций, возможно, с настилом по дну, в одном – сруба в три венца высотой до 26 см.

Н.Н.Чеснокова видит некоторую аналогию между ужгинскими погребениями на вымских могильниках и на Аверинском I в северном Прикамье [Там же, с. 177, 178], однако отмечает, что на вымских и родановских могильниках погребения, сходные с ужгинскими, представлены единичными экземплярами, тогда как расчлененные труположения характерны для всех погребений ужгинских могильников. По ее мнению, эти могильники оставлены ужгинскими сырянами [Там же, с.177, 178].

По погребальному обряду ужгинские могильники обнаруживают наибольшую близость к верхнекамским, в частности, к отмеченному Н.Н. Чесноковой Аверинскому I в Афанасьевском районе Кировской области [Голдина, Кананин, 1989, с. 9], а также к Плотниковскому, расположенному у д. Плотниково в Кудымкарском районе Пермского края [Крыласова, Брюхова, 2017]. На Аверинском I могильнике из 19 сохранившихся погребений в 13 кости ног находятся в анатомическом порядке, а кости верхней половины скелета расположены беспорядочно в центральной и северной частях могилы. В остальных шести погребениях скелеты разрушены полностью и кости перемешаны. В этих случаях предполагается намеренное разрушение могил

еще в период функционирования памятника, но не с целью ограбления, так как погребальный инвентарь в них сохранился, включая серебряные украшения. По мнению исследователей, местное население разрушало погребения с целью предохранения живых от воздействия мертвых [Голдина, Кананин, 1989, с. 38, 39]. Об этом свидетельствует и тот факт, что в ряде погребений разрушена только верхняя часть погребения, тогда как кости ног сохраняют анатомический порядок. Аверинский I могильник, с точки зрения авторов раскопок, оставлен зюздинскими коми-пермяками [Там же, с. 9].

На Плотниковском могильнике разрушению подверглось большинство погребений. Из 145 только семь детских остались непотревоженными и сохранили анатомический порядок расположения костей скелета. В большинстве погребений разрушена верхняя часть скелета, анатомический порядок сохраняют только кости нижних конечностей. Н.Б. Крыласова и Н.Г. Брюхова отмечают аналоги погребениям Плотниковского могильника на Аверинском I, однако намеренное разрушение могил, по их мнению, производилось не в период функционирования могильника, а спустя одно-два столетия, в XVI–XVII вв., и «могло быть связано либо с изменением состава населения, либо со сменой религиозных представлений», с христианизацией населения в XV–XVI вв. [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 23]. Выводы о причинах разрушения могильника в этот период нуждаются в дополнительной аргументации. Остается непонятным, какая смена населения произошла в Пермском крае в XVI–XVII вв. Если же это связано с христианизацией, которая была проведена в Пермском крае в XV в., то почему погребения разрушены спустя одно-два столетия. Но не вызывает сомнений факт разрушения могил с ритуальными целями.

По погребальному обряду ужгинские могильники более близки к верхнекамским, чем к вымским и вычегодским. Не исключено, что население, оставившее их, входило в то же территориально-племенное объединение, что и северные верхнекамские. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения являются данные этнографии и лингвистики. Л.Н. Жеребцов выделял на Сыsole два территориально-племенных образования, носивших название «зыряне, сырьяне» или «сирьяне». Одно из них располагалось в среднем течении Сысолы, с центром в с. Вотча, второе – в верховьях Сысолы и Камы, в так называемой в документах XV–XVI вв. Ужгинской волости, территории, которую занимали зюздинские пермяки [Жеребцов, 1982, с. 40–41]. Исследователь предполагает единство обитавшего в верховьях Сысолы и Камы в составе одной волости населения и определенное отличие его от обитателей Средней и Нижней Сысолы, что нашло отражение и в верхнесыольском диалекте коми-зырянского языка [Там же, с. 41]. Т.И. Жилина выявила его особенности, многие из которых сближают его с коми-пермяцким языком и отличают от других коми-зырянских диалектов [Жилина, 1975, с. 151].

Об особом территориально-племенном объединении ужговских сырян (крещеных сирян Ужговских – по Жалованной грамоте 1485 г.) писал Л.П. Лашук, полагающий, что «в имени “сырьяне” угадываются позднейшие “зыряне”». Ссылаясь на удмуртское понятие сьорьес – «посторонние, люди из другой местности», он предполагает, что для вычегодских пермян ужговские сырьяне также могли быть «сторонним народом, живущим за нашей местностью» [Лашук, 1972, с. 47–49].

Взгляды исследователей на механизм формирования этого территориально-племенного объединения расходятся. Как отмечает Л.Н. Жеребцов, «мы вправе предположить весьма раннее заселение этой территории и считать прохождение именно здесь одного из древних путей переселения предков коми из Камского бассейна в Вычегодский» [Жеребцов, 1982, с. 41]. В.А. Оборин полагает, что начиная с XI в. и особенно активно в XII–XIV вв. происходит инфильтрация вычегодских пермян в одном потоке со славянами, западно- и поволжско-финским населением в Верхнекамье, на территорию, заселенную зюздинскими коми-пермяками, что привело к сближению зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка с коми-зырянским. В XVI–XVII вв. Кайгородский уезд называли «вымскими погостами» [Оборин, 1987, с. 70–71; 1999, с. 228].

О сложных этнокультурных процессах, происходивших в древности на территории обитания коми-зырян и коми-пермяков, свидетельствуют антропологические источники. Как отмечает В.И. Хартанович, «...если в выявлении следов миграций культур основную роль играют археологические источники, то доказательства миграций населения следует искать среди ан-

тропологических материалов» [Хартанович, 1991, с. 112; 2005, с. 235]. Впервые рассмотрел проблему этногенеза коми-зырян на основе антропологических источников Н.Н. Чебоксаров, выделив три основных антропологических типа коми: беломорский, вятско-камский и восточно-балтийский. Согласно его концепции, большинство коми-зырян относится к европеоидному беломорскому и восточно-балтийскому типам, а вятско-камский (сублапоноидный) характерен для коми-пермяков и южных групп коми-зырян [Чебоксаров, 1946, с. 58, 59]. По мнению Н.Н. Чебоксарова, антропологические материалы позволяют опровергнуть теорию о миграции предков коми-зырян с Камы на Вычегду, допустив незначительное переселение их из Верхнего Прикамья в бассейн Сысолы [Там же, с. 67].

В новейших антропологических исследованиях гипотеза Н.Н.Чебоксарова о преобладании среди южных коми-зырян сублапоноидного антропологического типа поставлена под сомнение [Хартанович, 2005, с. 242]. Основанием для этого послужило исследование двух групп коми-зырян в Корткеросском и Койгородском районах Республики Коми, проведенное в 1984 г. Североевропейским отрядом Института этнографии АН СССР [Там же, с. 236]. В изученных краниологических сериях выявлены как общие черты, так и различия. Они относятся к двум вариантам одного краниологического типа, наиболее близкого к карелам. По мнению В.И. Хартановича, имеющиеся серии черепов сысольских коми-зырян не обнаруживают каких – либо «лапоноидных» черт [Там же, с. 242]. В.Г.Моисеев также относит коми-зырян к наиболее европеоидным наряду с эстонцами, финнами и мордвой-мокшей [Моисеев, 1999, с. 43, 45, 52]. С точки зрения этих исследователей, у коми-зырян отсутствует существенный уральский антропологический субстрат, как и у южных удмуртов, эстонцев и карелов [Там же, с. 60; Хартанович, Моисеев, 2013, с. 169–172]. В составе современных коми в сысольско-нижневыхгодском географическом варианте преобладает западный вектор сходства, представленный у вепсов, карел, ижорцев [Антропология коми, 2005, с. 262]. Аналогичный вывод сделан на основе глубокого анализа имеющихся в настоящее время источников по антропологии коми Г.А. Аксяновой, которая отмечает положение южных коми Сысолы и Нижней Вычегды, изолированное от других пермских финнов (коми-пермяков и удмуртов), что свидетельствует, «возможно, о несколько преобладающем западном векторе генетической близости к прибалтийско-финским народам» [Аксянова, 2005, с. 107–108]. Прибалтийско-финский компонент в этногенезе коми-зырян, четко проявившийся в материалах археологических памятников Прилузья, нижней Вычегды и Удоры, неоднократно отмечался и нами [Савельева, 2005, с. 26].

Палеоантропологические исследования черепов Плотниковского могильника в северном Прикамье показали, что население, оставившее могильник, было неоднородным. Среди мужских черепов выделены как европеоидные, так и имеющие небольшую монголоидную примесь [Брюхова, 2017, с. 107]. Европеоидная серия сопоставляется с местным населением, с монголоидной серией – с пришлыми из Зауралья, которые «оставили на территории Прикамья некоторые памятники ломоватовской культуры» [Там же, с. 110, 111]. Исследователи могильника полагают, что, «незвизрая на факты разрушения могильника и отрицание местным населением его связи со своими предками, нельзя исключать, что данный памятник связан с этногенезом коми-пермяков» (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 180).

К сожалению, палеоантропологическое изучение сысольских средневековых памятников не проводилось из-за отсутствия антропологического материала или его плохой сохранности.

Судя по материалам средневековых памятников Вычегодского бассейна и Верхнего Прикамья, родановская и вымская культуры были связаны цепочкой взаимосвязанных локальных вариантов единой общности, более близких в пограничных, смежных районах – на Сыsole и нижней Вычегде. В целом же, как отмечал В.А.Оборин, в XI–XII вв. наблюдалась активизация разносторонних этнокультурных, торгово-обменных контактов между населением вымской и родановской культур, внутрирегиональных миграций отдельных групп населения как в северном, так и южном направлениях [Оборин, 1999, с. 288]. По материалам Кичилькосьского I могильника со второй половины XI в. прослеживается не только активный приток булгарско-родановских изделий, но и оседание, возможно, небольших групп родановцев в верховьях р. Вымь. Об этом же свидетельствуют материалы Вотчинского могильника на средней Сыsole, Чезтыягского могильника на нижней Вычегде. Население верхней Сысолы, вероятно, входило в то же территориально-племенное объединение, что и население северного Прикамья.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 18–6–30 «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и в эпоху средневековья» программы «Приоритетные научные исследования в интересах комплексного развития Уральского отделения РАН».

Библиографический список

- Аксянова Г.А.* Современные представления об антропологическом составе народа коми и его генетических истоках // Антропология коми. М.: Б.и., 2005. С. 53–176.
Антропология коми. М.: Б.и., 2005. 277 с.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1958. 244 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула. Пермь: Пермский гос. педагогический университет, 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: Б.и., 2012. 258 с. (Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. 2)
- Голдина Р.Д.* О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 18). Сыктывкар: Б.и., 2013. С. 106–119.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 215 с.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция: Матер. и исслед. Камско-Вятской археол. экспедиции. Ижевск: Б.и., 2012. Т. 25. С. 447–472.
- Жалованная грамота Великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми вычегодской на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы. 1485 год // Ист.–филол. сб. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 243–247.
- Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.
- Жилина Т.И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
- Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский (К 600-летию со дня преставления). СПб.: Глагол, 1995. С. 50–263.
- Кленов М.В.* Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16). Сыктывкар: Б.и., 1999. С. 103–114.
- Королев К.С.* Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. 48 с. (Научные доклады/Коми филиал АН СССР. Вып. 46)
- Королев К.С.* Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар: Б.и., 2013. 90 с.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности. Пермь: Б.и., 2007. 351 с.
- Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник. Пермь: Б.и., 2017. 223 с.
- Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 292 с.
- Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. Ч. I. 135 с.
- Моисеев В.Г.* Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 132 с.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 156–167.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск: Б.и., 1970. Вып. 9. С. 3–29.
- Оборин В.А.* Коми–пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Б.и., 1999. С. 255–298.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971. 223 с.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 199 с.

- Савельева Э.А. Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар: Б.и., 2005. С. 3–32.
- Савельева Э.А. Вымско–родановская этнокультурная общность // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. Ижевск: Б.и., 2010. С. 66–71.
- Савельева Э.А. Погребения с монетами Кичилькосьского I могильника // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. Сыктывкар: Б.и., 2016. № 2 (26). С. 59–74.
- Савельева Э.А. Кичилькосьский I могильник XI–XIII вв. Сыктывкар: Б.и., 2019. 230 с.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. 275 с.
- Талицкий М.В. К этногенезу коми // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 47–54.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV в. // МИА. М.; Л.: Б.и., 1951. № 22. С. 33–96.
- Хартанович В.И. Краниология коми-зырян // Новые коллекции исследования по антропологии и археологии: Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1991. Т.44. С. 108–125.
- Хартанович В.И. Краниология верхневыхегодских и сысольских коми // Антропология коми. М.: Б.и., 2005. С. 233–242.
- Хартанович В.И., Моисеев В.Г. Возвращаясь к вопросу о формировании современного населения Севера Европейской части России и Восточнобалтийского регионов: новые антропологические данные // Переходные эпохи в археологии: Матер. Всерос. археол. конф. «XIX Уральское археол. совещание»). Сыктывкар: Б.и., 2013. С. 169–172.
- Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 51–80.
- Чеснокова Н.Н. Жизнь на погосте. Предки зырян ужговских в их современном восприятии и в археологических источниках // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1994. С. 166–186.

Список сокращений

- ВАУ – Вопросы археологии Урала
ЗРАО – Записки Российского археологического общества
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РАН – Российская Академия наук
СЭ – Советская этнография
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ФИЦ – Федеральный исследовательский центр

Дата поступления рукописи в редакцию 21.01.2020

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS OF THE POPULATION OF THE BASIN OF VYCHEGDA AND THE UPPER KAMA RIVERS IN THE MIDDLE AGES (BASED ON THE MATERIALS OF THE VYM AND RODANOV ARCHAEOLOGICAL CULTURES)

E. A. Savelyeva

Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural branch, Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaya str., 167000, Syktyvkar, Russia
eleonorasav@yandex.ru

The latest materials of the excavations of medieval sites in the Vychehda basin and the Upper Kama region confirm the ethno-cultural proximity of the Rodanovo and Vym archaeological cultures associated with the related peoples – the ancestors of the Komi-Permians and Komi-Zyryans, which was proved by A.P. Smirnov, V.A. Oborin, A.F. Melnichuk, R.D. Goldina and other researchers. It can be traced in the most conservative, traditional elements of culture – in funeral rites, ceramics, and women's costume decorations. Both cultures are characterized by underground burial grounds, burials in which are made by the method of inhumation and cremation. Ceramics are repre-

sented by stucco vessels of cup-shaped and pot-shaped forms, ornamented with comb, rosette stamp, and cord prints. Common adornments of women's costume are umbonoid, arched, anchor and bronze bi-anchor rattle pendants, a variety of tubular thread decorations. The greatest affinity to the Rodanovo culture is found in the sites adjacent to the Upper Kama areas – Sysola, Mid-Vychegda, dating back to the 10th – 11th, 11th – 12th centuries. On the Sysola river, three burial grounds were investigated, different from the Vym, Mid- and Low Vychegda ones. The Votcha burial ground on the Middle Sysola river, dating back to the 10th – 11th centuries, refers to the earliest ones. According to the funeral rite and ware implements, it shows the greatest cultural proximity to the sites of the Kama region, which is most likely due to the relocation of a small group of the Kama population to the Sysola basin. The Uzhga I and II burial grounds on the Upper Sysola are distinguished by their great originality. The burial rite of the Uzhga burial grounds is characterized by dismembered burials, burials of individual skulls, and the tradition of deliberate destruction of graves for ritual purposes. These features of the funeral rite find analogies in the Upper Kama burial grounds, in particular, Averino I in the Afanasyevsky district of the Kirov region, as well as Plotnitsy, located in the Kudymkar district of the Perm region. It is most likely that the population that had left Uzhga burial grounds, was part of the same territorial-tribal association as the northern Upper Kama population, associated with Zyuzdino Komi-Permians, which is confirmed by the data of ethnography and linguistics. The infiltration of the Rodanovo population into the Vychegda basin in the 11th and 12th centuries is documented by the excavations of the Chezhtyyag and Vym Kichilkos I burial grounds. They belong to the Vym culture of the Vychegda Perm, the early complexes of which, dating from the 11th–12th centuries, may be associated with the Rodanovo newcomers. In the burial 37 of the Chezhtyyag burial ground, a characteristic Rodanovo women's costume is represented. At the Kichilkos I burial ground, numerous highly artistic Bulgar silver articles from the Kama region were found, as well as typical Rodanovo decorations, stucco vessels similar in shape and ornamentation, and burials that show the greatest similarity to the Early Rodanovo ones. These materials testify not only to the active trade and cultural relations between the population of the Vym and Rodanovo cultures, but also to the infiltration of the Upper Kama Rodanovo groups into the Vychegda basin in the 11th and 12th centuries.

Key words: archaeological culture, Vym and Rodanovo archaeological cultures, historical and cultural relations, ethno-cultural community, local variants.

References

- Aksyanova, G.A. (2005), “Modern ideas of the anthropological composition of the Komi people and its genetic origins”, in Aksyanova, G.A. (ed.), *Antropologiya Komi* [Anthropology of Komi], Institut etnologii i antropologii RAN, Moscow, Russia, 277 p.
- Bader, O.N. & V.A. Oborin (1958). *Na zare istorii Prikam'ya* [At the dawn of the history of the Kama region], Permskoe knizhnoe izdatelstvo, Perm, Russia, 244 p.
- Belavin A.M. & N.B. Krylasova (2008), *Drevnyaya Afkula* [Ancient Afcula], n.p., Perm, Russia, 603 p.
- Belavin, A.M. & N.B. Krylasova (2012), *Ogurdinskiy mogil'nik* [Ogurdino burial ground], n.p., Perm, Russia, 258 p.
- Cheboksarov, N.N. (1946), “The ethnogenesis of the Komi according to anthropology”, *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 51–80.
- Chesnokova, N.N. (1994), “Life in the churchyard. The ancestors of the Uzhga Zyryans in their modern perception and archaeological sources”, in *Smert' kak fenomen kul'tury* [Death as a cultural phenomenon], Izdatel'stvo Syktyvkarского университета, Syktyvkar, Russia, pp. 166–186.
- Goldina, R.D. & V.A. Kananin (1989), *Srednevekovye pamyatniki verhov'ev Kamy* [Medieval sites of the upper reaches of the Kama], Izdatel'stvo Ural'skogo университета, Sverdlovsk, Russia, 215 p.
- Goldina, R.D. & T.K. Yutina (2012), “Chronology of burial complexes of Agafonovo II burial ground (IX-XII centuries)”, in *Drevnosti Prikam'ya epohi zheleza: hronologicheskaya atribuciya: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Antiquities of the Kama region in the Iron Age: chronological attribution. Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition. Vol. 25], Udmurtskiy universitet, Izhevsk, Russia, pp. 447–472.
- Goldina, R.D. (2013), “On some problems of medieval archaeology of the Permians of the Cis-Urals”, in *Kul'turnye svyazi naseleniya Evropejskogo Severo-Vostoka v drevnosti i srednevekov'e (Materialy po arheologii Evropejskogo Severo-Vostoka. Vyp. 18)* [Cultural relations of the population of the European North-East in antiquities and the Middle Ages (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 18)], Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, pp. 106–119.
- Hartanovich, V.I. (1991), “Craniology of the Komi-Zyryans”, in *Novye kolleksii issledovaniy po antropologii i arheologii* [New collections of studies on anthropology and archaeology (Museum of Anthropology and Ethnography collection), Vol. 44], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 108–125.
- Hartanovich, V.I. (2005), “Craniology of the Upper Vychegda and Sysola Komi”, in *Antropologiya komi* [Anthropology of the Komi], Institut etnologii i antropologii RAN, Moscow, Russia, pp. 233–242.
- Hartanovich, V.I. & V.G. Moiseev (2013), “Returning to the question of the formation of the modern population of the North of the European part of Russia and the East Baltic regions: new anthropological data”, in *Perekhod-*

- nye epohi v arheologii: Materialy. Vserossiyskoy arheologicheskoy konferentsii. «XIX Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie» [Transitional epochs in archaeology (Materials of the all-Russian archaeological conference “XIX Ural archaeological conference”), Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, pp.169–172.
- Klenov, M.V. (1999), “Ozel burial ground”, in *Etnokul'turnye processy v drevnosti na Evropeyskom Severo-Vostoke (Materialy po arheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka. Vyp. 16)* [Ethnocultural processes in antiquity in the European North-East (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 16)], Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, pp. 103–114.
- Korolev, K.S. (1979). *Novyy rayon obitaniya vyhegodskih permian* [A new area of habitat of the Vyhegda Permians] (Scientific reports / Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 46), Syktyvkar, Russia, 48 p.
- Korolev, K.S. (2013), *Predki komi-zyryan na Sredney Vyhegde (XI–XIV vv.)* [Ancestors of the Komi-Zyryans on the Middle Vyhegda (XI–XIV centuries)], Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, 90 p.
- Krylasova, N.B. (2007), *Arheologiya povsednevnosti* [Archaeology of everyday life], n.p., Perm, Russia, 351 p.
- Krylasova, N.B. & N.G. Bryuhova (2017), *Plotnikovskiy mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground], n.p., Perm, Russia, 223 p.
- Lashuk, L.P. (1972), *Formirovanie narodnosti komi* [The formation of the nation of the Komi], Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, 292 p.
- “Letters patent of the Grand Duke Ivan III Vasilyevich to residents of the Vyhegda Perm on possession of the rivers, lakes and grounds which were owned by their grandfathers and fathers. 1485 god” (1958), in *Istoriko-filologicheskii sbornik. Vyp 4* [Historical and philological collection; Issue IV], Komi knizhnoe izdatelstvo, Syktyvkar, Russia, pp. 243–247.
- Lytkin, V.I. (1957), *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language, Part I], Komi knizhnoe izdatelstvo, Syktyvkar, Russia, 135 p.
- Moiseev, V.G. (1999). *Proiskhozhdenie uraloyazychnyh narodov po dannym kraniologii* [Origin of Uralic peoples according to craniology], Nauka, St. Petersburg, Russia, 32 p.
- Oborin, V.A. (1969), “Cultural relations of the Upper Kama tribes with the tribes of North-Eastern Europe in the Iron Age”, in *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe], Nauka, Moscow, Russia, pp. 156–167.
- Oborin, V.A. (1970), “Ethnic features of medieval sites of the Upper Kama region”, in *Voprosy arkheologii Urala, vyp.9* [Problems of archeology of the Urals. Issue 9], Ural'skiy universitet, Sverdlovsk, Russia, pp. 3–29.
- Oborin, V.A. (1999), “The Komi-Permians”, in *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka* [The Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Cis-Urals in the Middle Ages], Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN; Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii, Izhevsk, Russia, pp. 255–298.
- Savelyeva, E.A. (1971), *Perm' vyhegodskaya* [The Vyhegda Perm], Nauka, Moscow, Russia, 223 p.
- Savelyeva, E.A. (1987), *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv.* [Vym burial grounds of XI–XIV centuries], Izdatelstvo LGU, Leningrad, Russia, 199 p.
- Savelyeva, E.A. (2005), “Origins of the Komi people”, in *Etnodemograficheskie protsessy na Severe Evrazii* [Ethnic-demographic processes in Northern Eurasia], Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, Moscow, Syktyvkar, Russia, pp. 3–32.
- Savelyeva, E.A. (2010), “Vym-Rodanovo ethno-cultural community”, in *Arheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva* [Archaeological heritage as a reflection of the historical experience of interaction between man, nature, society], Udmurtskiy universitet, Izhevsk, Russia, pp. 66–71.
- Savelyeva, E.A. (2016), “Burials with coins of Kichil'kos I burial ground”, *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, № 2 (26), pp. 59–74.
- Savelyeva, E.A. (2019), *Kichil'kos'skiy I mogil'nik XI–XIII vv.* [Kichil'kos I burial of the 11th – 13th centuries], Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, 230 p.
- Smirnov, A.P. (1952), *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* [Essays of ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions], Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 28, Nauka, Moscow, Russia, 275 p.
- Talitskiy, M.V. (1941), “To the ethnogenesis of the Komi”, *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tur*, Issue IX, pp. 47–54.
- Talitskiy, M.V. (1951), *Verkhnee Prikamye v X–XIV v.* [The Upper Kama region in the 10th – 15th centuries], Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 22, Nauka, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 33–96.
- “The life of Stephen of Perm” (1995), in *Zhitie Stefana Permskogo (K 600-letiyu so dnya predstavleniya)* [St. Stephen of Perm (To the 600th anniversary of the repose)], Glagol, St. Petersburg, Russia, pp. 50–263.
- Zherebtsov, L.N. (1982), *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of the Komi with neighboring peoples], Nauka, Moscow, Russia, 224 p.
- Zhilina, T.I. (1975), *Verhnesysol'skiy dialekt komi yazyka* [The Upper Sysola dialect of the Komi language], Nauka, Moscow, Russia, 268 p.